

ПЬЕСА, СПЕКТАКЛЬ, ЗРИТЕЛЬ

XXVI съезд партии оказал огромное влияние на все наши дела. Подводятся итоги, ставятся на службу народу резервы на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, в бригадах и цехах. И мы, писатели, думаем над тем, как улучшить наши дела, найти скрытые резервы, определить недостатки, чтобы с новыми силами, с большим азартом перейти от слов к делу. Ведь дело-то наше серьезное, важное, ответственное, что и подчеркнул в своем докладе на съезде Л. И. Брежнев. Но, очевидно, не ошибусь, если скажу, что для каждого из нас пришло время не только на людях, а и в тиши кабинета, за письменным столом не спеша подвести итоги своего личного творчества за прошедшие годы, подумать: а что новое, нужное людям хочу и могу я сказать завтра?

Преображается облик наших городов и сел, меняются пейзажи, развивается хозяйство, растет культурный уровень нашего зрителя. Мы видим, как в результате заботы партии растет чувство личной ответственности каждого советского человека за дела своей страны, чувство личной ответственности за то, что происходит на всей нашей планете. Растет дух коллективизма, вытравляется индивидуалистское «моя хата с краю». Творческая инициатива ценится выше слепого подчинения, растет вера в человека. Растет человек! Человек как личность. Идет замечательный процесс! И как результат этого процесса меняется природа драматургического конфликта. Он становится тоньше, острее, глубже, психологичнее. Драматург обязан говорить с таким зрителем правдиво, говорить о важном, а не о мелочах (ему, зрителю, на мелочи времени не хватает). Нелегкая стоит перед нами задача — создать правдивый, глубоко психологический портрет своего со-

временника. (Куда легче было некогда выдумать схему, по которой действовали так называемые «положительные и отрицательные» персонажи).

Не заметить этого процесса нельзя. А он, как известно, категория непостоянная, как каждое живое явление. Процесс этот не останавливается, а развивается, углубляется. Ведь недаром В. И. Ленин говорил, что перед тем, кто хочет отразить живое явление в его развитии, неизбежно встает дилемма — либо забежать вперед, либо отстать. Средины нет.

Надо признаться, что в отражении, воплощении этого процесса, этого живого явления в развитии мы порой отстаем. Потому ли, что сами боимся забежать вперед? Но, видимо, не перевелись еще и осторожные редакторы, сдерживают того или иного писателя, остерегаясь, как бы тот не забежал вперед. И делают это не на пользу делу, по старой привычке — кабы чего не случилось, а то еще и для своего собственного душевного спокойствия.

Драматургу же без собственного мнения, без собственного взгляда на жизнь никак не обойтись, потому что, если будешь заботиться о собственном покое душевном, будешь нейтральным, равнодушным, не захватишь, не взволнуешь зрителя, никакими кренделями-баранками не заманишь его на спектакль.

А если мы порой ищем золотой, спокойной серединки, то пьесы, написанные по такому принципу, и спектакли, по ним поставленные, современник не примет. Он хочет открытия, глубокого и честного анализа психологии фактов вчерашних, сегодняшних или даже завтрашних — возможных, как результат жизни сегодняшней.

Потому убежден — тематика гражданственная должна определять главное направление репертуара, и драматурги обязаны выполнять

важный социальный заказ, заказ народа, заказ партии.

Белорусская литература и драматургия в частности, всегда была сильно своей активной гражданской позицией. Яркий пример — многолетнее творчество нашего корифея Кондрата Крапивы, 85-летний юбилей которого мы недавно отмечали. Принципы старейшины наследуют коллеги по драматургическому цеху — и ма-

женной страстностью, гражданственной активностью творчество Николая Матюковского. Его «Последняя инстанция», «Амнистия», киносценарии утвердили ему прочную репутацию как в комедийном, так и в драматическом видах нашего жанра. И вот последняя работа — двухсерийный телевизионный фильм «Троянский конь» — подтвердила эту репутацию.

Андрей МАКАЕНОК,
народный писатель Белоруссии

ститые драматурги, и молодежь.

Вспоминая «драматургический урожай» последнего десятилетия, считаю, что белорусские писатели внесли весомый вклад в общесоюзный театральный процесс. И не только в количественном отношении (как известно, в искусстве, как, впрочем, теперь и в иных сферах деятельности, это не главный показатель), но и разработкой своих тем, проблем, жанровыми и стилистическими поисками. Об этом свидетельствует широкий диапазон авторских интересов, разнообразие тем — от Куликовской битвы и Кастуса Калиновского, периода коллективизации, подвигов Отечественной войны до сегодняшних нравственных схваток за чистоту окружающей человека среды в самом широком смысле этого слова. В основе идей нашей драматургии лежат как святыне заповеди классовый гуманизм, патриотизм, интернационализм, уважение к человеку и его достоинству. Наверное, поэтому пьесы белорусских драматургов К. Крапивы, И. Шамякина, К. Губарева, А. Петрашкевича, Н. Матуковского, А. Деленды завоевали всесоюзного зрителя.

Лично мне глубоко симпатично и близко своей обна-

Активно работает Алесь Петрашкевич. Широко прозвучала его «Тревога» по театрам страны, поднимая тревогу о распространении такого зла, как алкоголизм. В преддверии съезда Алесь Петрашкевич написал новую пьесу «Соль» с таким темпераментом, страстью, гражданственным накалом, с такой острой конфликтностью, что на сцене и в зале будет жарко.

Но вот пьесы драматурга, о котором я хочу рассказать, не попали, увы, в число принятых и поставленных. А когда их прочитал, признаюсь, позавидовал этому молодому человеку. Позавидовал мягкой белорусской тональности в доброжелательной обрисовке персонажей, очень живой разговорной речи. Очень умело передает он мягкую и колкую (но от добра!) иронию и юмор во взаимоотношениях людей деревни. Очень любит автор работающих, умелых и богатых на душевность и ласку земляков. Фамилия драматурга — Искрик. Пьесы называются «Разбитое окно» и «Чичирова свадьба» (сказать по правде, названия эти мне не по вкусу. Да не в названии дело. Имя можно придумать — труднее дитя родить).

Конечно, не все в этих пьесах совершенно. Они требуют значительной доработки. Но без театра, без помощи Министерства культуры,

его репертуарно-редакционной коллегии, их заболитого внимания тому, кто пробует свои силы в таком трудном жанре, просто не обойтись. Хорошо бы внимательно, компетентно поработать с новичком, помочь ему в тесном контакте с театром довести пьесу, как говорят у нас в Белоруссии, до «ладу».

Вспоминая свой дебют. Был я тогда малоопытен, и, разумеется, первая моя пьеса далека была от идеала. Но в Театре имени Я. Купалы, у моих родных купаловцев, я получил такую поддержку, такое внимание, что этого зарида мне хватило надолго, на многие годы. Мне кажется, нынче эти контакты театра и драматурга значительно ослабли.

Пример с Искриком не единичен. И здесь суровое слово я хочу обратиться в адрес наших театров. Где расти кадрам белорусских драматургов, как не в национальных театрах, особенно академических? К сожалению, пока не чувствуют наши авторы с их стороны подлинной заинтересованности в сотрудничестве. Может быть, здесь сказывается постоянный дефицит режиссеров, притом не абы каких, а разных и хороших, специалистов по драме, по комедии, по трагедии. Давнишняя проблема, от разговоров на эту тему уже мо-зולי на языках. Но решать ее надо! Представьте себе отчаяние драматурга, когда его комедию ставит режиссер без чувства юмора, а психологическую драму — человек, который увлечен цирковыми приемами. Это, конечно, крайности. Но ведь подобные случаи нередки.

Режиссеров мало. На них дефицит. А это в нашем случае порождает своеволие, диктат режиссера, высокомерие, презрение ко всяким критическим замечаниям, даже и справедливым.

Куда ни шло, когда действительно выдающийся художник проявляет характер,

чтобы вытравить штампы, халтуру, но когда режиссер просто «впадает в административный восторг», то дело дрянное.

Зашоренность, самоповторение в постановках разных по жанру, по духу, по тональности пьес несут беду всему театру, драматургу и актерам особенно.

Так называемые режиссерские спектакли, которые сковывают, приглушают импровизационную природу актера, ранние или поздне при-водят его к творческой анемичности, автоматизму, к потере человеческого тепла, к скульптурной холодности.

Нужно, чтобы они были советчиками, соратниками, по-братими в общем доме, а не котами, которые лобзят слизнуть вершки, сметанку в крынке.

Высказываюсь я, может быть, и резко, уж такой у меня характер, на то я и сатирик. Мнение мое, вероятно, не бесспорное. Тогда давайте спорить, высказывать различные точки зрения, но не обходить острых углов, трудных вопросов. К этому нас призвал съезд. Людям нужны правдивые, интересные, высокоидейные сценические произведения. Спектакли, которые помогали бы коммунистическому строительству, были гимном нашей героической действительности, но чтобы они делали и необходимую черновую работу — выкорчевывали все безнравственное в человеке ради чистоты нашего общества. А потому нужна спокойная работа, трезвый, вдумчивый анализ наших дел. Мы не должны обходить вниманием этапы нашей истории, но должны пристальнее всего следить за процессами, которые происходят сегодня, держать чуткую руку на пульсе современности. Только так, если мы не хотим, чтобы нам снова бросили справедливый упрек в отставании драматургии.

МИНСК.

Соб. культура, 1981, 16 июня